

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧ. Борис Дышленко. Жернов и общественные процессы. М.: Ibis Press, 2024//Звезда. 2025. №6.

Книга впервые представляет читателю полное собрание текстов, прежде публиковавшихся частями в самиздате и в периодике, в том числе в журнале «Звезда», плюс ранее неизвестный эпилог. Хотя и названный циклом рассказов, «Жернов и общественные процессы» воспринимается единым повествованием.

Читая прозу Бориса Дышленко, я всегда вспоминала о «французском новом романе». На этот раз к тому присоединились Гаврильчик, примитивизм, соц-арт. Совместимость примитивизма и «нового романа» подкреплю фактом: с братом и учителем Бориса Дышленко, художником Юрием Дышленко я познакомилась у Гаврильчика, их мастерские находились на Васильевском рядом. Гаврильчик – примитивист (и в живописи, и в поэзии), а Юрий Дышленко в своем варианте абстрактного искусства наполнял картины неопознаваемыми формами и говорил, что ставит целью ввести зрителя в процесс синтезирования образа. С «новым романом» Юрия Дышленко роднит интерес к структурализму и семиотике.

И интеллектual Юрий Дышленко, и примитивист Гаврильчик – оба занимались «изображением изображения». У Гаврильчика примитивизм соединен с соц-артом – пародией на советскую пропаганду. «Жернов и общественные процессы» воспринимается как текст, посвященный пропаганде постсоветской, хотя начат еще до перестройки. Произошла революция, «новое правительство в прежнем составе приступило к проведению политики», – пророчески написал Дышленко не позднее 1983-ого года. Как и прежде, волны пропагандистских компаний сменяют друг друга, константа существования – ежедневная покупка героем двух бутылок портвейна и их распитие на рабочем месте – остается незывлемой. Герой противостоит новым политическим ветрам, ибо подчиняется лишь внешне и по необходимости – так он привык при советской власти, так ею воспитан. Жернов – существо непрерывно мыслящее, он пытается увязать, уловить связь, соотнести насущное бытие с очередной компанией – исчезновение марки портвейна с «плюрализмом», понять, как может отразиться «духовность» на его вкусовых качествах и проценте сахаристости. Он занят «уточнением общей неопределенности», что непросто. Новую политику отличает неясность спускаемых сверху понятий. Несмотря на высшее образование, герой не знает значения многих слов. Постоянная путаница с омонимами: «Какие странные формы принимает иногда патриотическое движение», – думает он при виде очереди в гей- клуб, связывая его с «гей-славянами». Он не может расшифровать «актуальную символику», смысл лозунгов, что, например, означает в политическом смысле «держи бабу на полундре»? Жернов не может уловить, что имеется в виду, к чему призывает. Название компаний, даже когда понятные – баобабы – ничего не проясняют, это вроде как метафора или символ. Пытается уточнить у курирующего его контору философа Кала, что за вещь «пенизация»? Тот увиливает, указывает только производные грамматические формы слова. Предмет, субстрат ускользает – недосыгаем, как замок Кафки.

Порог¹ – так сам писатель многократно формулировал то, что его занимает. Как в работах брата, имеющих структуру чего-то, но остающихся только композицией пятен, к чему-то отсылающих, но не приводящих, так же очередное направление в «Жернове» оказывается скоплением слов, остающихся абстракциями. Переход от абстрактного к конкретному не совершается, порог нельзя перешагнуть.

Отсутствие предмета или смысла приводит к нарушениям логики, к путанице, к распаду.

Мало в чем можно быть уверенным. «Это зависит от того, какое завтра будет число». «В понедельник ступенек оказалось на одну больше, чем в обычные дни». «Явка превышала количество собравшихся».

Распаду в тексте соответствует множество отклонений от языковых норм – нарушения согласования, грамматической и логической связи слов, неправильные, невозможные словосочетания и словесные обороты. Усеченное предложение – оно обрывается именно там, где должен быть указан смысл. Опущенные звенья, пропущенные слова и, напротив, плеоназмы: «подумал мысленно», «во сне видел сон», «смотрят на него глазами». Оксюмороны: «патологический антисадизм», «нараристократы», «угрожает определенная безопасность». Неологизмы и гибриды: «родинолюбие», «инойцы», «вице-мать». Слова грамматически правильные, но невозможные по смыслу: «изнасиловалась», «бойфрендочка». Размножение: к «вольным каменщикам» прибавляются «невольные», к телеведущим – «телеведомые». Нарушения фразеологии, идиом – включение в них посторонних слов сдвигает смысл. «Объявляю всеобщую панику!» «Руки прочь от происходящих событий!» Происходят сдвиги самой реальности: «конторские запахом сообщают друг другу необходимые подробности».

Оккупации существования общественными процессами соответствует казенный, канцелярский, официально-деловой язык. Казённые обороты тут не одни только клише, тут и новообразования, созданные по его подобию: «унесение в туалет швабры и ведра». Но не сплошь так, нарочито казенные обороты и косноязычие совмещены с фразами изящными. И все это как-то легко сочетается.

В «Жернове» нет обычного для прозы Дышленко «авторского Я» в качестве персонажа или рассказчика. Его отсутствие выражается и в эмоциональной стерильности повествования. Если только не считать эмоцией иронию.

Нет в других тестах Б.Д. такой языковой и стилистической игры. Нет таких смешных текстов. Но ведь ни иронией, ни умением смешить, ни абсурдом нас не удивишь. Удивительна виртуозная вязь ткани текста. Из косноязычия, из как бы дефективного синтаксиса выстраивается элегантная проза. Удивляет общее равновесие: все нарушения логики работают на ясный смысл текста, заключающийся в недостижимости смысла. При постоянной логической неправильности образуется нечто в высшей степени четкое и цельное.

Центральный мотив прозы Дышленко – невозможность дойти до субстрата явления – на этот раз реализован в описании «общественных процессов» постсоветского времени, особенностью которого являлась отсутствие идеи. И бессвязность, путаница, мешанина, –

¹ См. Звезда. № 11. 2005

им противопоставлена лишь ригидность, лишь повторы. И, как у Роб-Грийе «В лабиринте», действие топчется на месте, завораживает повторениями положений и фраз. Повторы, которыми мы пытаемся не дать затянуть себя в водоворот лихорадочно-беспорядочного и непонятного.